

— Более того, — Цзян Цяо повернулся и снова взглянул на Тан Сю, в его взгляде читалось восхищение. — Большинство дублей Тан Сю связаны с боевыми сценами, он не профессиональный актер, и это можно понять. Но его драматические сцены просто идеальны, зрители это увидят, когда фильм выйдет. В «Плахе для лис» есть два момента, которые стоит увидеть на большом экране: первый — это великолепные пейзажи, а второй — актерская игра Тан Сю.

Зал наполнился восхищенными возгласами. За долгие годы этот холодный и придирчивый режиссер никогда так открыто не хвалил актера перед публикой.

Вспышки камер засветились одна за другой, и журналист искренне заметил:

— Действительно впечатляет. Я уже могу представить, как фанаты будут массово репостить этот фрагмент.

Интервью длилось более часа, после чего ведущий показал небольшой ролик, рассказывающий о фильме. Тан Сю и Чжан Кайсин вместе с Цзян Цяо подняли бокалы шампанского, поливая ими башню из бокалов, и церемония завершения съемок подошла к концу.

Тан Сю и Цзян Цяо задержались за кулисами, дождавшись, пока большинство журналистов разойдутся, и только тогда вышли, сев в одну машину в подземной парковке.

Они уже собирались завести машину, как Тан Сю краем глаза заметил мужчину в серой рубашке, стоящего в правом углу парковки. Он сразу узнал Шэнь Сымо.

Шэнь Сымо, бывший самым любимым учеником Цзян Цяо два года назад, также привлек к себе внимание на этом интервью. После завершения Тан Сю видел, как он ушел вместе со своим агентом из небольшой компании, и подумал, что он вернулся в офис. Однако прошло уже более двадцати минут, а он все еще находился в парковке.

Шэнь Сымо стоял спиной, разговаривая по телефону. Издалека было трудно разглядеть детали, но Тан Сю уловил, что тот, похоже, был взволнован.

Он остановил руку Цзян Цяо, которая уже тянулась к зажиганию, и тихо сказал:

— Я хочу посмотреть.

Цзян Цяо вздохнул:

— Его мать уже выздоровела и выписалась из больницы, все закончилось. Зачем тебе это?

Тан Сю покачал головой:

— Я чувствую, что это еще не конец.

— Ладно, сдаюсь, — Цзян Цяо разблокировал дверь. — Будь осторожен, не попадись, будет неловко.

Тан Сю кивнул:

— Не беспокойся.

Подземная парковка была заполнена машинами. Шэнь Сымо стоял спиной, и Тан Сю, осторожно ступая, быстро оказался неподалеку от него. Затем он сел на пол, укрывшись за

машиной, и незаметно слушал разговор.

Голос Шэнь Сымо был хриплым, видно, что он уже долго говорил.

— Папа, не нужно так сопротивляться. Я звоню, чтобы сказать... мама выздоровела после операции, и моя первая роль тоже завершена. Я не подвел вас.

На другом конце провода что-то сказали, и Шэнь Сымо замолчал надолго, затем его голос дрожал от сдерживаемых слез.

— Хорошо, не будем об этом. Как вы? Как здоровье?

— Я не притворяюсь... — Шэнь Сымо глубоко вздохнул, поднял голову, чтобы сдержать слезы. — Вчера на Центральном телевидении показали, как вы присутствовали на заседании, и я заметил, как вы держитесь за печень... У вас давние проблемы с печенью, пейте меньше.

Его голос был полон боли, он подошел к колонне и оперся на нее рукой, не держащей телефон.

Тан Сю, слыша дрожь в его голосе, обернулся и увидел, что Шэнь Сымо весь дрожит. Он крепко сжал глаза, рука, опирающаяся на колонну, сжалась в кулак, и слезы текли по его закрытым векам.

— В вашем сердце — неужели моя забота — это только попытка вернуть свое положение? Я всегда думал, что отличаюсь от других детей чиновников. У них с детства были братья и сестры, явные и скрытые, они никогда не получали от отца полного чувства безопасности, а у меня было! В моем сердце мы были обычной семьей из трех человек. Разве вина в том, что я родился не от вас? Тот, кто любил и заботился обо мне больше двадцати лет, вдруг выгнал меня из дома и полностью отверг... Разве удар для меня — это потеря ресурсов и богатства?!

На другом конце провода что-то ответили, и Шэнь Сымо, обессиленный, опустился на пол. Он скользнул вдоль колонны, слезы лились ручьем, но его голос внезапно стал спокойным и бессильным.

— Хорошо... как хотите.

— Да, я скоро пойду в полицию, чтобы сменить фамилию... больше не буду Шэнь, не беспокойтесь.

Прошло еще некоторое время, и Шэнь Сымо тихо попрощался, затем положил трубку.

Тан Сю, находясь в тени, не знал, что делать. Он точно не должен был позволить Шэнь Сымо узнать, что его слабость была замечена другим. Но в этот момент этот дрожащий и плачущий юноша вызывал такую жалость, что даже Старый Предок, проживший тысячи лет и повидавший множество человеческих страданий, почувствовал боль в сердце.

— Сменить фамилию? — Цзян Цяо был потрясен. — Его отец дошел до такого? Заставил его сменить фамилию?

Тан Сю кивнул, глядя сквозь лобовое стекло на того юношу, который, простояв долгое время в подавленном состоянии, поднялся и, потерянный, сел в старую машину неподалеку. Через полминуты машина завелась и уехала.

Цзян Цяо был настолько шокирован, что не мог прийти в себя. Прошло много времени, прежде

чем он вдруг ударил по рулю.

— Даже если он генерал, он не может так злоупотреблять своей властью, тем более по отношению к собственному сыну! Сменить фамилию? На свете бесчисленное количество людей с фамилией Шэнь, что, все, кто не его сын, должны сменить? Черт!

Старый Предок облизнул губы и, помолчав, сказал:

— Ругаться плохо.

— Ох, — Цзян Цяо сразу сник. — Прости, забыл, что ты рядом.

Тан Сю долго молчал, затем, подумав, повернулся к Цзян Цяо.

— У тебя сильное чувство справедливости.

Цзян Цяо почувствовал неловкость.

— Я не питаю к ученику никаких особых чувств, просто...

— Я знаю, — Тан Сю не смог сдержать легкую улыбку. — О чем ты думаешь?

— В твоих глазах, наверное, наше, смертных, чувство справедливости — это просто детские игры, да? — Цзян Цяо, глядя вперед, вздохнул. — Ты и твои друзья живете тысячи лет, видели все аспекты человеческой жизни, и в ваших сердцах есть только то, что нужно делать и что не нужно. Вы больше не такие, как я, с горячей головой, легко наполняющейся гневом.

Тан Сю, услышав это, на мгновение задумался. Он положил руку на край окна, подпер голову и, казалось, вспоминал что-то, затем сказал:

— Нет. В первые двести-триста лет совершенствования я, наверное, был таким же. Возможно... даже более эмоциональным, чем ты.

— Эмоциональным?

— Да. С огромным энтузиазмом к добру и огромной ненавистью к злу. Когда я наказывал зло и поощрял добро, мои эмоции тоже были сильными. Но со временем, как ты сказал, я просто стал знать, когда нужно помогать, а когда наказывать, а мои собственные эмоции стали спокойнее. В конце концов... человеческая природа многогранна, трудно сказать, кто полностью добр или зол.

— Понятно, — Цзян Цяо облегченно вздохнул, боясь, что Тан Сю сочтет его, почти тридцатилетнего, недостаточно зрелым.

В тот вечер, когда Цзян Цяо вышел из ванной и собирался лечь спать, его телефон внезапно получил сообщение от Тан Сю.

[Если хочешь помочь Шэнь Сымо, сделай все возможное. В этом деле я останусь в стороне, не буду вмешиваться.]

Цзян Цяо, увидев сообщение, был удивлен. Дело Шэнь Сымо он действительно хотел решить, строгий учитель как отец, это был его любимый ученик. Но Тан Сю не из тех, кто боится трудностей, и его отстраненность была странной.

Цзян Цяо напечатал вопросительный знак, но, подумав, что Тан Сю, не имея связей, действительно ничем не мог помочь, просто ответил: «Хорошо».

С той стороны больше ничего не последовало, но через некоторое время Цзян Цяо не удержался и написал:

— Ложись спать, спокойной ночи.

[Спокойной ночи.]

Через неделю Ли Цзыпин принес хорошие новости: съемочная группа программы «Десять тысяч книг» на Центральном телевидении объявила список на собеседование, и Тан Сю был первым в списке. Всего было отобрано десять артистов, но остаться должны были только пятеро.

Ли Цзыпин был так взволнован, что ходил кругами.

— Ты представляешь, сколько знаменитостей ты обошел? В нашей компании подавали заявки десятки!

Тан Сю посмотрел на него.

— Сколько?

— По крайней мере столько, — Ли Цзыпин сжал кулак, его маленькие глаза на круглом лице почти исчезли от улыбки.

Тан Сю не знал, что он имел в виду: пять, десять или сто, но ему и не хотелось знать.

<http://bllate.org/book/16171/1450019>